

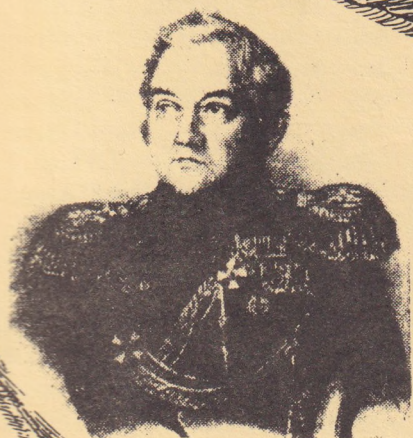

АВСТРАЛИАДА

Русская

история

М. П. Лазарев

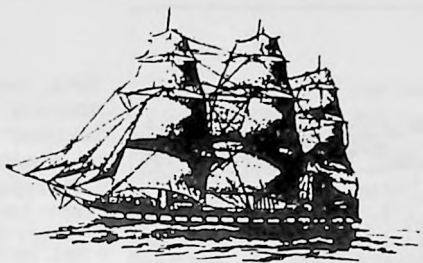

Ф. Ф. Беллинсгаузен

СИДНЕЙ

5

1995 г.

Из ранней истории

ЕЛЕНА ГОВОР

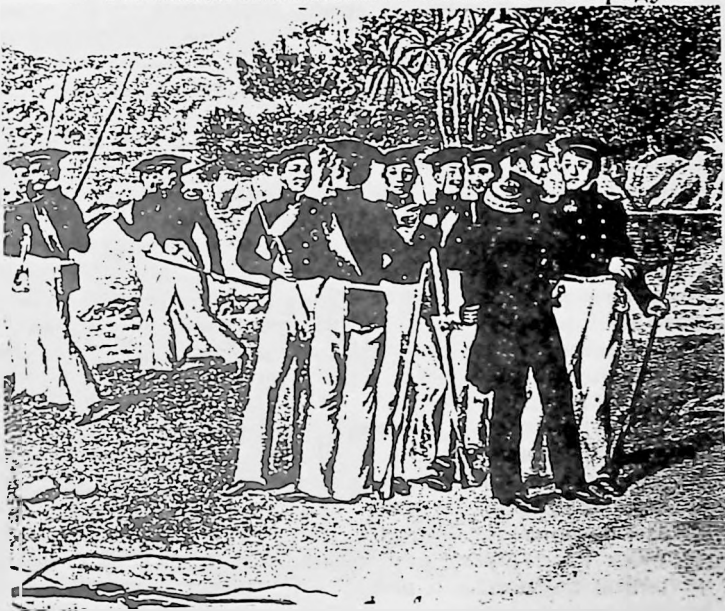
НА МЫСУ РУССКИХ: Из истории экспедиций 1820 года

Место, на котором мы раскинули наши палатки во все время двукратного пребывания нашего в Порт-Жаксоне, называлось Русским Пунктом (Russian Point). Это название выбили мы на гранитной скале, которая была под ногами нашими, но, вероятно, слова, нами выбитые, давно загладились рукою времени. Город со своими живописными окрестностями рисовался перед нами как в лучшей панораме.

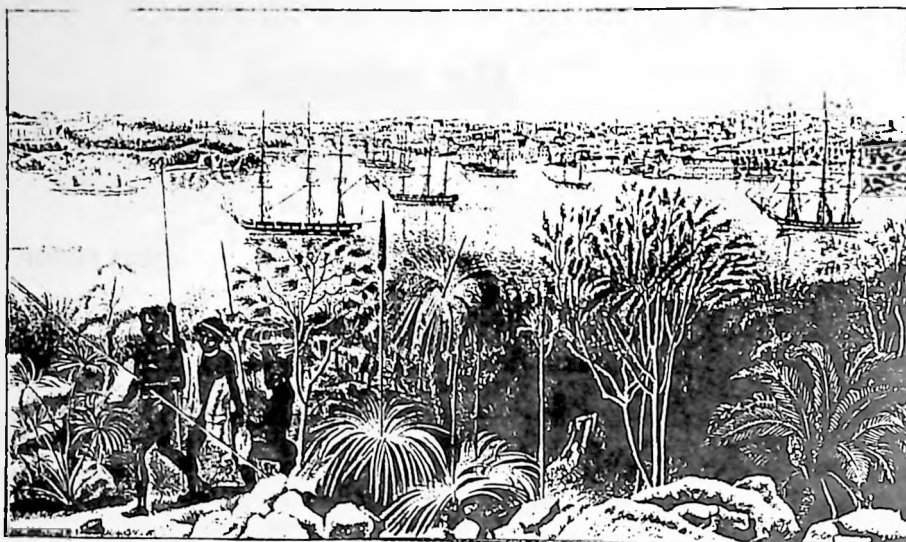
И.М. Симонов

Паром отходит от Циркулярной пристани и везет меня в Нейтральный залив (Ньютрал бэй). Позади поднимаются громады сиднейских небоскребов, справа празднично реют паруса Оперного театра и на островке желтеют игрушечные стены форта Денисон. Слева взмыла в небо арка Сиднейского моста. Кругом звучит разноязыкая речь, туристы фотографируются на фоне австралийских достопримечательностей, но я уже не с ними, я отправилась на мыс Русских, в путешествие во времени, в такой же теплый апрельский день 175 лет назад. Вот мы поравнялись со стоящими на якоре "Востоком" и "Мирным", снасти убраны и только русские андреевские флаги трепещут под легкими порывами ветра. Минно, к северному берегу залива, плывет несколько легких лодок аборигенов, они продали рыбу в городе и спешат к своим семьям: из зарослей на берегу поднимается дымок костра. Северный берег покрыт лесом и кажется совсем диким, но вот на высоком мысу слева я замечаю несколько палаток. Около одной из них стоит за мольбертом художник и рисует панораму залива. Это Павел Николаевич Михайлов. Не предугадать ему, что его рисунки много лет пролежат в русских архивах, а через 160 лет вернутся в Австралию в роскошно изданном альбоме с глянцевою суперобложкой...

Я покидаю паром на северном берегу Нейтрального залива. Дорога вскоре приводит меня в маленький парк Андерсон, прежде он назывался Варринга, - это единственный островок прошлого, уцелевший среди надувнувшегося города. Ручеек с журчащей водой - тот самый из которого русские набирали воду, а потом пили ее много дней и у холодных берегов Антарктиды, и под палящими лучами солнца в Полинезии. Но вода изменчива, она не имеет памяти. Что помнит здесь русских? Может быть вот эти высокие

Моряки экспедиции во главе с Беллинсгаузеном и Лазаревым во время высадки на берег. Фрагмент рисунка П.Михайлова.

"Вид города Сиднея в Порт Жаксоне". 1820 год. С рисунка П. Михайлова. Рисунок сделан с северного берега залива, вероятно с мыса Русских. В заливе на первом плане изображены два русских корабля. Слева вдали мыс Беннелонг, в центре - Сиднейский залив где находится ныне Циркулярная пристань, справа - район Рокс.

деревья? И сквозь шелест их листьев я начинаю различать далекие голоса, и тени прошлого обступают меня.

Вот с холма спускается группа русских матросов, они держатся все вместе, у одного в руках ружье, у других за поясами топоры, это корабельные плотники, отправившиеся на поиски дерева для ремонта кораблей. Они постукивают по стволам, но результат малоутешительный, прибрежная растительность хоть и пышная, но стволы деревьев крученые, а то и гнилые внутри. Уходить далеко от берега боязно: они пока и сами не знают, чего больше опасаться в этой дикий стране - то ли кровожадных туземцев, то ли неведомых диких зверей, то ли коварных беглых ссыльных. Посоветовавшись и видно понадеявшись на русский "авось", они наконец углубляются в лес, двигаясь в сторону нынешнего Мосмана и стараясь не терять из вида мачт "Востока" и "Мирного". Через некоторое время издали доносятся их радостные возгласы, они наконец-то нашли "сидер" (австралийский кедр) с хорошей древесиной.

Ненадолго все затихает, лишь трещат цикады в высокой траве, да перекликаются попугаи. Но вот я снова слышу русские голоса, через береговые заросли пробивается группа офицеров под предводительством 25-летнего казанского астронома Ивана Михайловича Симонова. Дурманящие запахи незнакомых цветов, трав и эвкалиптовых листьев, гирлянды из цветущих ветвей величественных банксий, попугаи, вспыхивающие как самоцветы среди серовато-зеленой листвы, блеск моря, просвечивающего сквозь прибрежные заросли - все сливается перед ними в упоительном кружении. Они явно ничего не боятся, молодые лица полны счастья - вот и сбылось то, о чем мечталось в детстве долгими зимними вечерами в глуши русских имений, то, ради чего они шли служить во флот - они в дикой южной стране на краю земли. Много лет спустя Симонов вспоминал об этом дне: "К дополнению картины совершенно нового для нас мира вышел из лесу коренной житель Новой Голландии - хозяин тех мест. Мы подходили к нему, и новоголландец по английскому обычаю дружески пожал руку каждого из нас; ... и начал расхваливать прекрасные места своей родины...

- Кто ты такой? - спросили мы его.

- Буррабурра, - отвечал индеец.

На вопрос наш о месте его жительства он указал на все пространство леса. Это значит, что весь соседственный лес составляет обширный дворец их, покрытый дивным голубым сводом, отапливаемый почти тропическим солнцем и освещаемый во время ночи бесчисленными огнями созвездий. Буррабурра с готовностью отвел русских на стоянку его семьи. На поляне лежали разбросанные по кругу ветви - ветровой заслон, - а посередине круга виднелись следы кострища. Гостеприимный хозяин предложил русским поставить рядом свои палатки, но их это предложение

входило отыскать путь из Берингова пролива в Атлантический океан. На юг, к неведомой Антарктиде, отправились шлюпы "Восток" и "Мирный" под командованием капитана 2 ранга Ф.Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М.П. Лазарева. Научные задачи экспедиций предопределили и состав участников команд - это были молодые способные офицеры, самому старшему на "Востоке", Беллинсгаузену, было всего 40 лет, в экспедициях участвовали также ученые и художники, многие участники плавания вели дневники, собирали любопытные местные изделия, художники делали зарисовки. Обе экспедиции посетили Австралию в 1820 и материалы их участников по праву можно назвать самыми богатыми из всех русских экспедиций, заходивших в Австралию.

"Восток" и "Мирный", прежде чем прибыть в Австралию, спустились в южные полярные широты. После открытия островов Траверсе на юге Атлантики они трижды подошли к побережью Антарктиды. М.П. Лазарев так писал об этом событии: "16-го января [1820 г.] достигли мы широты 69°23'S, где встретили матерый лед чрезвычайной высоты, ... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение... Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали ледяной материк не доходя 70°. Кстати, по мнению историка М.И. Белова, изучавшего карты экспедиции, истинной датой открытия Антарктиды следует считать 27 (15) января 1820 года, так как на кораблях время измерялось в среднеастрономических сутках, опережавших гражданский календарь на 12 часов.

Южное полярное сияние. Рисунок П.Михайлова.

Вспоминая об этом плавании, Симонов писал в своих письмах и мемуарах: "В течение четырех с половиною месяцев [мы] скитались во мраке туманов, скрывавших громады льдов". Возвышавшиеся на 300 футов над поверхностью моря "огромные ледяные горы, между которыми мы были как в лабиринте, ежечасно грозили нам гибелью". "Хлад, снег, сырость, частые и жестокие бури беспрестанно нам сопутствовали в местах сих... Одно только южное сияние пленяло взор наш и в восторг приводило душу..." Во время сильной бури 7 марта, подобной которой не видел никто из участников экспедиции, на "Востоке" переломало снасти, и корабль понесло на

огромную льдину. К счастью, в последний момент сильная волна отбросила его в сторону, что спасло отважных моряков от неминуемой гибели. Неудивительно, что после таких испытаний австралийский берег казался им землей обетованной.

Первыми в Порт-Джackson пришли суда северной экспедиции, "Благонамеренный" 28 (16) февраля, а "Открытие" 2 марта (19 февраля) 1820 года. Они стояли сначала в гавани Сиднея у самого дома капитана Пайпера. Одна из первых просьб капитанов к губернатору Макуори состояла в выделении места на берегу для обсерватории и мастерских. Выбор пал на мыс Кирибилли напротив города на северном берегу залива, которому и суждено было стать мысом Русских. День 3 марта (20 февраля) 1820 года, когда шлюпы перешли на средину фарватера, ближе к северному берегу, и моряки занялись устройством обсерватории и мастерских на мысу, можно считать началом его недолгой, но богатой русской истории. Здесь же, в заливчике, недалеко от мыса Русских, лекарь с "Благонамеренного" Григорий Заозерский сделал одну из самых ранних палеонтологических находок в Австралии - обнаружил огромные ребровые кости какого-то доисторического животного, вымытые водой из прибрежного песчанника. 26 (14) марта русские корабли покинули

гостеприимный Порт-Джесон. А вскоре сюда прибыли потрепанные штормами шлюпы антарктической экспедиции - "Восток" 11 апреля (30 марта) и "Мирный" 19 (7) апреля 1820 года. И снова на северном берегу зазвучала русская речь.

...Заборы, частная собственность, но все-таки над памятью и воображением нашими они не властны, и, спустившись к воде справа от резиденции, я вижу, каким был мыс Русских 175 лет назад. Пока Симонов с Буррабурра бродили по лесу, тут успел вырасти настоящий палаточный городок, или, как русские сами его называют, русское Адмиралтейство. Между стоящими посреди залива русскими кораблями и берегом беспрерывно снуют шлюпки. Все, что возможно, моряки свозят с кораблей на берег, чтобы облегчить их и заняться ремонтом подводной части, медной обшивки, сорванной льдинами. Перевозят кузницу, мастерские, лазарет, - хотя за плавание не потеряли ни одного человека, но у нескольких матросов появились признаки цинги, и лучшим лекарством для них будет жизнь на берегу. Среди страдальцев и корабельные свиньи и бараны, стоя на берегу они покачиваются от слабости, а десны у них так посинели и отекли, что они с трудом жуют свежую траву. Не пройдет и трех недель, как все больные поправятся, а скот даже придется держать на привязи, чтобы он не разбежался по лесу.

Кипит хозяйственная жизнь, матросы стирают белье и одежду, просушивают вещи. Невдалеке идет устройство настоящей русской бани, испытанного средства традиционной русской медицины. В палатке поставили печь с трубой, сделанные из металлического балласта. Печь докрасна раскаляют дровами. Воду нагревают на печи, а также в чанах, бросая в них раскаленные пушечные ядра. Когда все готово, палатку плотно закрывают и начинают поливать водой из насоса, чтобы не выходил пар через ткань. По отзыву Беллинсгаузена, эту парную баню предпочитали даже многие офицеры, не говоря уж о матросах.

Одной из главных забот капитана, астронома и офицеров экспедиции были астрономические наблюдения и проверка точности хода хронометров, ведь без этого нельзя определять местонахождение корабля во время плавания. На скале, выбранной Симоновым, была создана походная обсерватория. Матросы установили чугунную печку без трубы, заполнили ее песком и через отверстие дымохода залили свинцом. На этом неподвижном основании Симонов и установил приборы, в частности усовершенствованный им самим инструмент прохождения неподвижных звезд. Каждый день, если не было облачности, он со своими помощниками делал двадцать замеров высоты солнца. Несмотря на дневную усталость, ночью он часто просиживал у инструментов шесть или более часов, наблюдая переход южных звезд через меридиан, определяя положение некоторых светил в Южном полушарии. Наряду с Симоновым, сами капитаны и многие офицеры участвовали в определениях широты и долготы мыса Русских, которая вычислялась путем нахождения среднего числа из нескольких сот (!) замеров. Это, конечно, требовало их частого присутствия на мысу. Капитаны сетовали, что многочисленные светские приемы, обеды и балы, дававшиеся гостеприимными сиднейцами, часто отрывали офицеров "от занятий по службе". Тем не менее замеры наших моряков отличались большой точностью. Координаты мыса Русских были определены ими в среднем как $31^{\circ}51'$ ю. ш. и $151^{\circ}09'$ в.д., что очень близко к современным данным. Среди офицеров, успешно работавших в обсерватории, был и будущий декабрист Константин Петрович Торсон.

...Симонов с Буррабурра подошли к стоящему за мольбертом Михайлову, который рисовал панораму залива. Увидев живую натуру, живописец тут же загорелся желанием писать с него портрет во весь рост. Буррабурра "с

И.М. Симонов. 1840-е годы.

удовольствием согласился на предложение списать с него портрет: стоял как вкопанный в продолжение всей работы. По окончании оной посмотрел на свое изображение и тотчас дал заметить, что он не в полном наряде был нарисован. Потом сыскал на земле палочку, продел ее сквозь среднюю преграду носа, и стал в прежнее положение: что и дополнено было на рисунке". Тем временем, привлеченная русскими, вокруг собралась целая группа аборигенов. Удовлетворив любопытство, они занялись своими обычными делами, которые испокон века делали на этом мысу: женщины пошли удить рыбу, а мужчины принялись изготавливать рыболовные орудия. В последующие дни моряки не раз наведывались в соседнее стойбище аборигенов и свели дружбу с их знаменитым "вождем" Бонгари, о котором мы расскажем в следующий раз.

Варата. Рисунок П. Михайлова.

Больше месяца провели русские на северном берегу. В маленьком заливчике (ныне его ограничивают мысы Милсонс и Кирибилли) чинили корпус "Мирного", поврежденный о льдину, вытащив корабль на мель. Бывали здесь ежедневно и офицеры, в свободное время они отправлялись отсюда на охоту, возвращались вечером с полными сумками настрелянных птиц. Матросов тоже иногда отпускали отдыхать на северный берег, они гуляли в лесу вокруг русского Адмиралтейства. "Я считаю, что для них лучше гулять в лесу, чем подвергать себя искушениям, которые могут повредить их здоровью в городе", - писал Лазарев. Он, впрочем, зря надеялся на полную изоляцию северного берега - когда "Восток" покинул Порт-Джексон, оказалось, что несколько матросов все-таки заразились венерическими болезнями.

...Наступает вечер, я смотрю на огни Сиднейского сити и на первые звезды, загорающие над заливом. На этой скале 175 лет назад стоял и Симонов. Он только что вернулся с праздника у своих соседей-аборигенов, где они угощались поджаренной на огне рыбой и, раскрашенные мелом и красной охрой, танцевали при свете костров. "Новоголландцы, совершенно нагие, стояли фрунтом и прыгали вверх, не нарушая своего порядка, а одни впереди, обратившись к ним лицом, бил такт двумя палочками, одной о другую, и пел". Стоя на мысу, "посреди безмолвного величия австральской ночи", Симонов "всматривался то в отдаленные огни города Сиднея," где на приемах в честь русских шампанское лилось рекой и "блистали серебро и хрусталь", то в лес, откуда доносилось первобытное пение аборигенов, и ему "казалось, что устье маленькой речки Параматы разделяет две отдаленные планеты..."

"Восток" и "Мирный" покинули Порт-Джексон 20 (8) мая 1820. После плаваний в Океании, где они открыли ряд неизвестных островов, они снова в том же году вернулись на мыс Русских для отдыха перед новым походом в Антарктику, простояв здесь с 21 (9) сентября до 12 ноября (31 октября). Устраивали на этом мысу обсерватории и мастерские и участники последующих русских экспедиций, в том числе, на "Кротком" и "Елене" в 1829 и "Америке" в 1835.

Рисунки П. Михайлова воспроизводятся по книгам Ф. Беллинсгаузена "Двукратные изыскания...", СПб., 1831 и "Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена", СПб., 1831. Тексты русских моряков цитируются по кн.: Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993; Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., М., 1960; [Симонов И.М.] Письмо к *, - Казанский вестник, 1829, ч. 25, кн. 1, с. 46-56; Симонов И.М. Слово об успехах плавания шлюпов Востока и Мирного..., Казань, 1822. Используются также материалы из книг: Трешников А.Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М., 1963, с. 20-32; Barratt G.R. The Russians and Australia, Vancouver, 1988, с. 87-120, 128-152, 206-207; Clune F. Saga of Sydney, Sydney, 1961, с. 61-66; McCormick T. First Views of Australia, 1788-1825, Sydney, 1987.